

Рассказы на салфетках.

Аннотация:

Отрывки из моего дневника

Ехала в машине, засмотрелась на дорогу и, остановившись на маленьком перекрестке, зевнула во весь рот. Бывает, что зевнешь, как вздохнешь - даже рта приоткрыть не успеешь. Я же, примерзнув взглядом к прозрачной точке на стекле, зевнула так, что аж зажмурилась на миг; и ухо заложило. Через минуту, закруглив зевок, "навела фокус" на дорогу и увидела, напротив, за рулем мужчину, а la Pierce Brosnan . Я столкнулась с его взглядом, но в этот момент на светофоре "вспыхнула весна", и мы разъехались. Мое лицо мелькнуло перед ним в "оскале Гуимплена". Мелочь, конечно же, не стоит, и грузиться этим - какой-то незнакомый человек подумал о тебе мельком: "ну, у нее и рож!" А может быть, и вовсе не подумал? Может быть, он сам в тот же момент в паху чесал?

Вот так, на миг встречаешься глазами с кем-то из прохожих и отпечатываешься в их мимолетной памяти задумчивой, глупой, смешной, решительной, косой, пафосной, с дыркой в зубе, плюющей, сморкающей, неодушевленной... Мелькнул перед глазами человек и в памяти запечатлелся первый взгляд, который - часто и последний.

- Женщина, вы будете брать эти босоножки?
- Мама, она – иностранка. Она ничего не понимает, что вы ей сейчас сказали.
- Ну, так ты ей объясни! Это – последние босоножки из тех, что мне вообще здесь нравятся.
- Мама, это не универмаг. Это "Wal - Mart". Здесь нет "последнего", здесь есть всегда.
- Тогда походи, скажи, чтоб принесли. Вон, негр в форме! Переведи ему, что мне требуются босоножки бежевой расцветки, на полный 38-ой размер.
- Тише, мама! Вы кричите на полмагазина. Не называйте "негр". Это не принято. Если хотите сказать, говорите "африканский американец".
- Всё. Мне уже ничего не надо в вашей Америке! Простых босоножек нельзя купить, чтобы без нервотрепки...

Что творится, что творится! Такие люди странные... Во всех сферах деятельности, причем. Ну, просто вопиющие случаи!

Вот, в новостях передавали: некий грабитель пришел, в одиночку (без коллег), грабить городской банк. Для ограбления им было выбрано не совсем удачное время рабочего дня: час пик. В кассу банка тянулась очередь клиентов. Что сделал в этой ситуации грабитель? Представьте - встал в очередь! "Как порядочный"! По мере продвижения к окошку кассы, грабитель стал неспешно доставать необходимые для процесса

ограбления аксессуаров: маску, оружие там... Был немедленно задержан охранниками банка, которым - сдался без сопротивления.

Приезжаю к подруге, а она, как раз, только что из магазина вернулась: ездила за продуктами. Стоит на кухне, выгружает свои пакеты и раскладывает закупленную снедь по полкам холодильника. И вот, достает она майонез "Hellmann's", но, прежде чем засунуть его в холодильник - открывает у банки крышку. Открыла, потом снова закрыла, и уже после этого засовывает майонез в холодильник. Я не поняла ее действия и спрашиваю: "А, какого черта ты майонез открыла?" А она смотрит на меня, как на ненормальную и под нос мне эту банку сует: "Видишь, - говорит: - надпись вот тут: "Ставить в холодильник после того, как открыли"

Refrigerate after opening.

Сегодня ездили по делам в одну крупную компанию. Заходим с Бобом в здание, поднимаемся на лифте в нужный нам офис. Боб говорит: "Там работает секретаршей - типичная "американская сука"!" Выходим из лифта, движемся по коридору. Боб нервничает: "Я, как увижу эту суку, у меня на весь день настроение пропадает". Заходим в офис. В приемной – симпатичная молодая секретарша. Боб заблистал улыбкой, словно "солнце из-за туч" и, размахивая руками, стал объяснять девушке суть нашего визита. При этом, Боб глупо похихатывал и косил по сторонам, как запряженный жеребец. Секретарша внимательно выслушала Боба, сверилась со своими записями в компьютере и, детально объяснив дорогу в нужный нам кабинет, пожелала успехов.

Мы вышли из приемной. Боб достал платок и, промокнув намочивший лоб, горячо зашептал: "Ну, я же тебе говорил – сука она и есть! Я здесь бываю почти каждый месяц, так, представляешь – эта секретарша мне еще ни разу (sic!) не улыбнулась!"

Есть такой тип женщин, которых я называю "русалки". У них волосы длинные – до самых бедер - вечно распущенные. Эти "женщины-русалки" постоянно их причесывают. Стоят возле зеркала и причесываются, причесываются, причесываются... И заморожено смотрят в стеклянные глаза своего длинноволосого отражения.

Вот, однажды, стоит такая Русалка на улице, вместе со своими знакомыми - сотрудниками из офиса. Все собрались через дорогу переходить и ждут, когда зеленый свет загорится. А светофор, кроме светового сигнала - подает еще и звуковой. Русалка говорит своим коллегам: "Все время недоумеваю: почему некоторые светофоры еще и пищат?" Один коллега ей объясняет: "Светофор подает звуковой сигнал для слепых". А русалки, надо сказать – не терпят, когда их за дурочек принимают! Поэтому, она тряхнула волосами, обернулась к этому сотруднику и строго высказала: "Вы, что - меня за дурочку принимаете? Слепые за рулями не сидят!"

Мы с Даен поехали обедать в ближайший ресторанчик "Friendly's". По дороге, невзначай договорились, что не будем "объедаться".

- Ты знаешь, вообще-то я не голодна, - сказала Даен, но в ее голосе (как мне слышалось) промелькнула нотка сомнения.

Я согласилась с тем, что тоже - не особенно проголодалась. Собственно, мы и поехали-то в ресторан лишь только потому, что "наступило обеденное время". А вовсе не из-за того, что "подступило чувство голода".

Расположившись за столиком, мы заказали диетическую (это важно) кока-колу и принялись рассматривать сочные картинки в меню. Даен судорожно сглотнула первая. После нее, над фотографией "Колоссального гамбургера по-мексикански" сглотнула и я.

- Пожалуй, я закажу себе салат? – Даен вопросительно взглянула на меня поверх меню.

Волны легкой задумчивости пробежали по моему лбу. Я пожала плечами и нерешительно предположила:

- Может быть, мне взять куриный сэндвич "Портобелло"?

- Да, "сэндвич" - звучит лучше, - немедленно согласилась со мной Даен и снова нырнула в свое меню.

Когда официантка уточняла гарнир к нашим сэндвичам, предлагая на выбор: картофель фри, салат или пюре – мы с Даен скромно попросили дать нам жаренный (в кипящем масле, "кишащий жирами и холестерином"), изо всей силы "антидиетический") картофель фри.

Заказав этот ужасный гарнир, мы несколько минут рассматривали бензозаправку за окном, через дорогу.

Картофель фри относится именно к той категории junk food—"мусорной еды", о которой мы презрительно рассуждали с Даен по дороге в "Friendly's".

Наверно, не стоит лишний раз упоминать о том, каких размеров порции традиционно подают в дружелюбных американских ресторанах... Не буду врать: картошку не доели ни я, ни Даен.

По мере насыщения, наш застольный разговор свелся к примитивному побрякиванию, уханью и тихому "Oh, Gosh..." - созвучному с российским - "божмой".

Мы виновато посмотрели друг на друга (ведь договаривались – не обжираться!).

- Я почти мертвая, - положила руку на "честный живот", призналась Даен.

А я закатила глаза к потолку, выражая этим красноречивым "взглядом в небеса" солидарность с состоянием подруги.

Радужная американская официантка весело поинтересовалась:

- Желаете ли, братцы, заказать десерт?

Мы с Даен отрицательно покачали головами, со смехом отрекаясь от мороженого, взбитых сливок и замешанных на молоке коктейлей.

- Я вас, ребята, спросила про десерт, поскольку сегодня все, кто заказывает сэндвичи с курицей – получают на десерт Sundaе. Бесплатно.

Sundaе – стакан с мороженым, облитым шоколадным соусом, в шапке взбитых сливок и вызывающей, хвостатой, красной вишней на вершине этой пирамиды.

Мы с Даен тяжело переглянулись и, задумавшись лишь на какой-то миг, устало согласились: "Ну, хорошо, мы будем, есть Сандей".

Любовь к халяве объединяет всех людей планеты и служит лучшим стимулом для взаимопонимания и межнационального общения.

Ну, ладно, уговорили. Я испеку вам шоколадный торт. Только, прошу: освободите кухню! Я вас просто умоляю: уходите, не мешайте.

Где у нас капуста? Как это – причем? Притом, что я ее не вижу в холодильнике. Кто-нибудь видел где-нибудь капусту? Ага, вот она! Теперь скажите мне: ну, кто из вас додумался положить ее на холодильник? Что значит – "не успели разложить продукты"? Вы вернулись из магазина десять часов назад. Могли бы найти время. Да вижу, что вилок

еще не сгнил. Но он уже попортился. В вашей жаре все портится - если не в холодильнике. Ну, что вы здесь опять столпились? Уходите. Я не прошу вас помогать. Мне мешать не надо!

Так. Кто-нибудь мне объяснит, что тут написано? Да. Вот тут. Весь рецепт. Переведите мне рецепт. У меня нет очков, мне трудно прочитать. К тому же, по-английски я не понимаю. Да. Переведите мне его и напишите на листке, большими буквами. Жирными. Потому что у меня нет очков. Нет, Люся, твои очки мне не нужны, я не слепая. Нет, Миша, мне не надо покупать очки. У меня есть в России, и я к ним привыкла. А лучше, чем мои российские очки, вы все равно тут не найдете. Ну и что с того, что я их там забыла? Вернусь – найду. Я у вас тут годами жить не собираюсь. Я всю жизнь сама за себя отвечала, ни у кого на шее не сидела. Так что – не надо. У меня в России и очки, и пенсия, которой мне хватает. Так что мне ни от кого не надо одолжений.

Что - "мама"? Я всю жизнь "мама". И я опять прошу: уйдите с кухни! Здесь уже дышать нечем. Причем тут духовка? Я и сама вижу, что она уже час, как нагрелась. Ну, и что с того? Вы же прекрасно сами понимаете, что это из-за вас я не могу начать!

Так, Надя. Ты перевела рецепт? Какой у тебя, Надя, почерк... медицинский. Как же ты, с таким почерком ужасным намереваешься выходить замуж? Что значит "не намереваешься"? А что намереваешься? Всю жизнь кому-то у себя в больнице кишки резать? Ты, Надя, прям, как дедушка покойный. У того тоже почерк был плохой, и чем закончилось? Если б не я – всю жизнь прожил бы в бобылях... Это у тебя тут что написано? Двойка или десятка? Я не понимаю, сколько же мне стаканов сахара ложить: 2 или 10? Что значит "класть"? Кладут – в штаны. Не умничай, Андрюша, иди уроки делай. Уже сделал? Значит, иди спать.

Прошу еще раз, по-хорошему: уйдите с кухни. Я пытаюсь делать торт.

Люся, крикни Грише, чтобы он выключил там свою музыку! Она мешает мне сосредоточиться!

Где блюдо с розочками? В прошлом году, на День победы я в нем подавала утку. Где оно теперь? Ах... Как – треснуло?! Кто его треснул? Кто его выкинул?! Вы знаете, сколько то блюдо стоило в Тюмени в 52-ом году?! Две папиных зарплаты! Мы отдавали деньги десять лет!

Нет. Все. Я больше не могу. Всё. Выключайте вашу печку. Раз нету блюда, – не имеет никакого смысла, делать этот торт. Спокойной ночи.

Завтра я хочу почистить ваш палас. Кроме меня это не сделает никто. Так что, я сейчас уйду наверх, а вы его сверните и положите у двери, в прихожей. Я завтра утром вынесу его на улицу. На солнце.

Внук говорит своему дедушке:

- Дедуля, а ты знаешь, что похож на Бога?

Удивленный дедушка, сентиментально прослезившись, гладит внука по вихрастой голове и спрашивает:

- Милый мой, но, чем же я похож на Бога?

- Тем, что вы оба старые.

Доктор рассказывает о своей четырехлетней дочери:

- Везу своего ребенка в детский сад. А на заднем сиденье автомобиля лежит мой стетоскоп. Дочку страшно заинтересовала эта вещь, и она начала с ней играть. Я смотрел на своего ребенка в зеркало на лобовом стекле и, с умилением и гордостью думал: "Моя

дочь – вся в меня. Вырастет, обязательно пойдет по моим стопам и непременно будет доктором". Прислушался, что она там говорит в стетоскоп и вдруг, слышу: "Добро пожаловать в "Макдональдс". Что вы желаете заказать?"

Саша отправляется со своим кузенком Тони и дядей Марком на озеро – кататься на моторной лодке. С крайне озабоченным видом, говорит мне: "Положи, пожалуйста, ко мне в рюкзак коробку с пластырем, бинты и градусник".

Теперь уже я озадаченно смотрю на своего ребенка: "Зачем тебе на озере градусник?" Саша, всплеснув руками: "Ну, как же ты не понимаешь?! Вдруг что-нибудь случится! Например, лодка врежется в скалу, у меня будет сотрясение мозга, я утону и умру!"

Ренди, не отрываясь от телеэкрана: "Действительно, в этот момент именно градусник будет тебе необходим!"

Сочувственно посмотрев на оскорбленного родительским непониманием Сашу, я предлагаю: "Может быть, в качестве профилактики несчастного случая на озере, ты лучше останешься дома?" Саша, демонстрируя наигранное равнодушие, пожимает плечами: "Ну, и что? Думаешь, что дома безопасней? Здесь меня, например, может ударить током!"

По соседству с моим домом живут супруги: Джон и Вики. Живут они дружно, душа в душу - уже около полувека. Однако, до сих пор – официально "не расписаны". Что, впрочем, не помешало им вырастить и выдать замуж дочь и теперь – совместно воспитывать уже внучку. Еще у них есть собака по имени Джози: полу-ротвейлер, полу-неизвестно что. Правда, детально рассмотреть собаку и сделать выводы о ее смутной принадлежности к какой-то определенной породе, мне до сих пор не удалось. Поскольку она – "дурная" и поэтому все время сидит запертая в доме. Оттуда она лает или воеет – в зависимости от того, где находятся ее хозяева. Если – возле дома, Джози лает на них из окон. Если Джон и Вики куда-нибудь уехали – Джози замогильно воеет на всю округу. А вот если оба ее хозяина дома – собака молчит. Наверно – от счастья. От бессловесного собачьего счастья.

В отличие от Джози, Вики и Джон – спокойные люди. Они кричат друг на друга только по выходным, исключительно по утрам. В пятницу и субботу вечером Вики и Джон идиллически пьют пиво на широкой веранде своего дома. А утром – изливают друг на друга свое "непохмеленное" настроение. Опохмелившись, они снова дружны и спокойны.

Но, пиво и крики – только по выходным. Потому что они – американцы, и к работе относятся по-американски серьезно. Особенно любит работу Джон: может весь день стоять и смотреть, как работают другие. Вики тоже любит работу. Она часто приносит ее домой из своего офиса – не может с ней расстаться даже на ночь. Вот и спорят супруги по выходным: кто из них более работающий, а значит – главный в семье. Иногда Джон горячится и говорит на Вики: "bitch". А та ему разумно отвечает старой американской поговоркой: "Life's bitch and so am I". А Джон заключает: "Вот поэтому-то я на тебе до сих пор и не женился!"

Когда Вики и Джон гуляют, они держат друг друга за руки. Я так подозреваю, что если их руки будут свободными, они, ненароком, поубивают друг друга. Хотя, отложив шутки в разные стороны, надо признать, что Вики и Джон действительно очень любят друг друга. Очень по-своему. Но - очень. Вики говорит, что она не могла бы и мечтать о лучшем муже сильнее, чем мечтает о нем сейчас.

Супруги ругаются уже, больше по старой привычке, чем по "горячим следам". А всё потому, что Вики никогда не может успокоить подвыпившего Джона. А Джон – не может остановить трезвую Вики.

Раньше я пугалась ссор моих соседей. Боялась, что Джон в конце концов, плюнет и уйдет, бросив Вики с маленькой внучкой и глупой собакой.

"Ты не боишься, что Джон уйдет?" - спрашивала я Вики. Но та только отмахивалась, со смехом: "Никуда он не уйдет! Джон такой лентяй, что у него не хватит сил даже на то, чтобы собрать свой чемодан!"

Услышав от подруги очередную дерзость в свой адрес, Джон хмурит брови: "Женщина! Еще одно слово и я точно уйду из дома!"

Вики, прищурившись, несколько мгновений смотрит на него и провокационно восклицает: "Такси!"

Gloucester. Стою на берегу Massachusetts Bay, смотрю на чернильный горизонт Атлантики. Вокруг – пустынный пляж, холодный песок и клены, запятнанные ржавыми потеками осенних красок. Стайка китайцев высыпала на берег и самый главный – бесстрашный китаец, скрестив руки на груди, зашел в воду по колени. Постояв в задумчивой позе, смотрящего на сожженную Москву Наполеона, китаец, пятясь, но, не разжимая скрещенных на груди рук и, "не подмочив достоинство", медленно вышел из холодной воды.

А несколько лет назад, в это же время, но на другой стороне Земного шара, я с родителями ездила купаться на пляжи нашей Владивостокской Шаморы. На Шаморе в сентябре уже не пестрели палаточные городки и лишь редкие заплатки тентов мелькали среди скал. Сентябрь – бархатный сезон: народ купался – невзирая. Мы валялись на еще горячем песке, пили пиво, если чебуреки, плов-шашлык - "под занавес".

По субботам пляжи Шаморы посещали многочисленные свадебные кортежи. И многие женихи, стянув "чулком" праздничные брюки с туфлями и пиджак с рубашкой - добровольно бесшабашно бросались искупнуться в воды Тихого океана (точнее - Уссурийского залива). Традиционно, как и много лет назад, "окунувшиеся" женихи надевали брюки на мокрые трусы, и мой папа страдальчески морщится, представляя ощущение жениха во время душевного банкета...

Помню отдохавшую неподалеку кампанию: двое мужчин и три женщины. Приехавшие на Шамору на своем очень "микро" автобусе, они быстро соорудили под натянутым на его крышу тентом, "скатерть-самобранку". На свой кругленький, похожий на булочку автобус, женщины нацепили надувные разноцветные шары, и я решила, что на пляж приехали артисты цирка. Папа скептически сказал: "Щас-ка". "Цирковая группа" немедленно начала выпивать и петь под гитару песни из репертуара ансамбля "Самоцветы":

Пусть плывет смолистый дым

Сквозь густые ветки.

Будет самым молодым

Этот вальс наве-е-еки!

И - "Волнуется се-е-ердце, сердце волнуица-а-а-а..."

К вечеру "артисты" разукрасили себя: мужчина с гитарой надел на голову большие, оранжевые уши кролика, и красный "нос-картошка", на резинке. На другого мужчину нацепили белый "нос-бульбочка" и лохматый парик. Дама, комплекции Людмилы Зыкиной, в открытом синем купальнике, прикрепил у талии огромный шифоновый платок, завязав его на боку. Все женщины прикололи на волосы бумажные банты, после

чего - стали самозабвенно танцевать уже под магнитофон с записями "Золотого Кольца". Особенно удачно большая женщина исполняла танец под песню "Валенки". Она, широко раскидывая пухленькие ручки, и выбрасывая сдобные ножки, кокетливо "выплывала" из-за микроавтобуса, а попой пыталась извивать "Ламбаду". Выпито было, по-видимому, изрядно, и вся кампания представляла себя, со стороны - ловкими, зажигательными красавцами. Зрелище захватывало, и мы радостно созерцали этот концерт.

Пару раз я нерешительно заходила в море, желая, может быть даже окунуться, но... вода, действительно была уже прохладной. А папа, глядя на меня, скорчившуюся в холодной воде, хохотал, вспоминая, как наш Саша, когда-то кричал из воды, на весь пляж:

- Мамочка, я уже пописал!

Звонит телефон. Беру трубку. Голос из шуршащего телефонного далека, вибрирует и тихо произносит: "You mother"... Впрочем, это только черными буквами на белом листе понятно, что хотел сказать человек, да и то, не всегда. А по телефону я услышала "Йомаза". Мои глаза беременеют, а ресницы наползают на брови, и я кричу, в ужасе и за свою маму, и за "маму в законе" (mother-in-law – по англ "свекровь"): "Что? Что случилось?" Телефонная собеседница, с невнятным, чавкающим акцентом, отвечает: "Ты приедешь к нам в субботу?"

"Зачем?" - я вжимаю трубку в свое ухо, стараясь не пропустить ни слова.

"Но ты же обещала", - настаивают на другом конце провода: "Тетя Хезер сказала, что тоже приедет". "Какая тетя Хезер? ЧТО С МАМОЙ?" - кричу я, вплетая в наш английский диалог яркую ленточку русского мата.

Телефон шуршит "минутой паузы". "Это Йомаза?", - наконец спрашивает голос.

"Нет, это - не Ямаза! - отпускает меня, - Вы ошиблись номером!" И, хрясь трубой по морде телефона!

США – страна акцентов.

Что за имя такое, "алькаидовское" - Ямаза?

Правда, у меня в России, и без акцентов с "ямазами", были свои телефонные приколы. Однажды мне звонят и требуют: "Примите телеграмму". Я локтем прижимаю трубку к уху и тяну к себе блокнот с карандашом, чтоб записать. Записывать надо для мамы на тот случай если телеграмма от папы – важно знать каждое слово и традиционное "Целую миллионы раз" ни в коем случае не пропустить. "Готова, - говорю: - Диктуйте телеграмму".

" "Карага" становится к 15-ому причалу в 18.00", - сообщают мне.

Я – дочь моряка, поэтому, не удивляюсь тексту сообщения. Правда, смущает незнакомое название судна. Ну, да ладно: "Диктуйте дальше!"

"Приняли?" - спрашивает трубка.

"Приняла!" - отвечаю я, все еще "не втыкая", почему папа не добавил "целую миллионы раз", и кто такое - "Карага"?

"Диспетчерская рыбного порта, диспетчер Хренпоймишкина", - представляется мне трубка и требует, чтобы я тоже ей представила свое "диспетчерское" имя.

Услышав "рыбный порт" я, наконец, включаюсь, что диспетчер Хренпоймишкина ошиблась. Мой домашний телефон всего на одну цифру расходился с номером одной из служб Владивостокского рыбного порта. Поэтому, диспетчерские депеши мы получали регулярно всей семьей. Особенно любит их моя энергичная бабушка, которой до всего всегда есть дело. Она постоянно завязывает долгие беседы с "рыбными диспетчерами" и многих даже узнает по голосам.

"Ежик колосился не потому, что был злой. Он колосился по своей природе."

Когда моему сыну было четыре года, он мечтал покататься на трамвае. С самого рождения его возили только на автомобилях: я, папа, бабушка и дедушка. А ему хотелось на трамвай. Железная коробка, с грохотом рассекающая улицы, была пределом его мечтаний. Когда его спрашивали: "Чего бы ты хотел больше всего?", он восторженно отвечал: "В цирк. И в трамвай!" И однажды он меня уговорил. Я бросила машину на стоянке в центре города, и мы с сыном пошли "кататься на трамвае". В трамвае было... как всегда. Я злилась потому, что было жарко, потому что в железной коробке воняло разлитым пивом, потому что на первой же остановке в трамвай ввалилась куча народа, и над нами зависло несколько авосек. А через несколько минут трамвай застрял в дорожной пробке... Я была зла, как Печкин - до велосипеда. А ребенок - счастлив. Он сидел у меня на руках и смотрел в окно. Потому что в трамвайное окно смотреть куда интереснее, чем в надоевшее окно автомобиля.

Я же эгоистично злилась на своего Сашу и шипела в маленькое ушко: "Вот теперь, с твоим чертовым трамваем мы до своей машины вообще никогда не доберемся. Нафига я согласилась? Я, вообще уже в туалет хочу!"

Возле нашего кресла стояло несколько парней – курсантов мореходки - в парадных фланках и фуражках с блестящими, лаковыми козырьками. Саша по-детски искренне, восторженно рассматривал этих парней в яркой, черно-белой форме с золотыми галунами. А те, от нечего делать, стали с ним болтать:

- О, гляди, какой пацан прикольный! Парень, тебя как зовут?

Общительный мой Саша немедленно назвал.

- Ага. А это твоя мама? А маму, как зовут?

Я "принципиально" смотрела в окно. Саша с досадой обернулся на меня, не желающую разговаривать с такими красивыми курсантами, и ответил за меня:

- Мамочку зовут Танечка, - интуитивно стараясь ласковым тоном сгладить мою "некоммуникабельность".

- Мамочка Танечка, а можно с вами познакомиться? – поинтересовались курсанты. Я делала вид, что мы с трамвайным окном - одиночки во Вселенной. Тогда курсанты снова обратились к разговорчивому Саше.

- Саша, а почему твоя мамочка не хочет с нами познакомиться? Она у тебя злая?

Ребенок, испугавшись, что симпатичные курсанты плохо подумают о его маме, попытался их разубедить и громко, "на весь трамвай" воскликнул:

- Моя мамочка не злая! Просто она писать хочет!

Уста ребенка, таки, действительно "глаголют истину". Есть такие люди, которые по своей натуре не то, чтобы "злые", а просто **постоянно** "хотят писать".

Музыка может греметь повсюду. Но - не в соседнем доме.

В роще, между деревьев которой вьется тонкий асфальтовый ручеек, соединяющий нашу Тенистую улицу с центральной - рассыпано множество домов. По соседству с нами живет много хороших людей, но кроме них есть на нашей улице еще и образцово-показательные идиоты. Я говорю про семейство скульптора Х. "Держу парик": если бы семейство Х выехало за границу, иностранцы, повстречавшиеся с этими людьми, наверняка, решили бы, глядя на них, что все американцы - идиоты, каких свет еще не

видывал. Скорей всего, именно такие люди любят путешествовать больше других, от этого и репутация американцев за рубежом, увы, подорвана на веки.

Творец X работает в жанре "кладбищенской скульптуры". Работает много и очень плодотворно. Однако его произведения довольно редко привлекают покупателей. Поэтому вокруг дома X в художественном беспорядке, там и тут, рассеяны гипсовые "скорбящие девы", "Моисеи с крестами", "рыдающие вдовы" и другие атрибуты погостов. "Дорогих заказов" скульптору не дают, поэтому все свои "горюющие фигуры" он лепит из гипса "больничного цвета", в мастерской, прозрачный шатер которой раскинут рядом с домом X, у самой дороги.

Проезжая по улице к своему дому мы всегда в курсе очередных творческих задумок мастера X. По-видимому, на скульптурное творчество X вдохновляют фильмы ужасов. Глядя на грязно-белых "вдов", покосившимся частоколом окружающих мастерскую - довольно живо представляешь, как они медленно приоткрывают гипсовые глаза и скалятся не по-человечески, зловеще. Бюст очередного "Моисея", потрясающего книгой заповедей, долгое время "восставал" из обширной лужи, по весне разлившейся возле дома X. Если бы не осведомленность соседей в том, что это - новая скульптура X, бюст "Моисея" с непропорционально огромной рукой, сжимающей книгу, можно было в темноте принять за утопающего, протягивающего к проезжающим автомобилям белый дипломат.

Кроме скульптур, вокруг дома X вечные, как пресловутый "огонь", круглый год стоят несменяемые декорации: разноцветные, пластмассовые, в человеческий рост рождественская дева Мария с младенцем и Давид с посохом. Со святым семейством соседствует "хеллоуинское" пугало с тыквенной головой. А посреди этого карнавалного великолепия – высокий шест с обтрепанным ветром флагом, на голубом фоне которого изображен поблекший Винни Пух.

Скульптор X владеет довольно большим участком рощи, на котором он, вырубив деревья, построил у самой дороги дом, рядом воткнул шатер мастерской и наскоро сляпал на заднем дворе подобие сарая, где держит несколько лошадей. Лошади свой сарай не любят и предпочитают бродить по территории владений скульптора, часто выходя на дорогу и пугая автомобилистов. Еще у скульптора есть две собаки: огромный сенбернар, который тоже любит дорогу и часто спит на ней - перпендикулярно разметке. Другая собака – породы "самосерка" - в отличие от сенбернара, никогда не дремлет: завидев на повороте приближающийся автомобиль, она, с безумием японских камикадзе - бросается под колеса, заливаясь, переходящим в визг, истерическим лаем.

Дети у скульптора тоже есть и ведут такую же богемную уличную жизнь, как его лошади и собаки. Соседи рассказывали, что недавно видели на дороге возле дома X, его сына, которому, на вид, года четыре от роду. Ребенок гордо преграждал автомобилям дорогу, стоя посередине нее в огромной, сползающей на нос, ковбойской шляпе, сапогах и голубом памперсе, в мелкий цветочек.

Сегодня вечером, возвращаясь домой, я в который раз хотела было обматерить и скульптора, и все его семейство, ведущее "придорожный" образ жизни. Уже стемнело, я спешу домой и, выезжая из-за поворота, за которым находится дом соседа-скульптора, по привычке опасливо притормаживаю. И вовремя! На дороге стоит задумчивый сенбернар, а рядом с ним – творец X, очарованно задрал в звездное небо свою дурную голову в той же ковбойской шляпе, что по рассказам видели на его сыне.

Потревоженный моим автомобилем X медленно вынул изо рта длинный мундштук, огонек сигареты прочертил в темноте букву "Z". X, с нескрываемой досадой, глянул в мою сторону и, в сопровождение собаки, удалился на обочину.

Поскольку я уже все равно остановилась, то открыла окно и призналась скульптору:

- Ты знаешь, я уже давно хотела тебе сказать, - после этих слов, произнесенных по-английски, я планировала "политкорректно" перейти на русский, и высказать в его адрес всё, что накопилось. Набрала в грудь больше воздуха, и вдруг заметила у обочины жестяную табличку "FOR SALE". На миг я задержала вдох и выпалила, все еще не веря в свое счастье:

- Ты продаешь свой дом?

- Да, - с достоинством ответил Х, - Я продаю этот дом и уезжаю во Флориду.

- Удачи тебе! – искренне пожелала я ему, - Удачи!

У моей бабушки в России до сих пор стоит "параллельный" телефон, соединенный проводами связи с ее соседкой, что живет на верхнем этаже. Обе "телефоновладелицы" - приблизительно равного возраста, и они предъявляют друг к другу одинаковые претензии: "Мой разговор важнее твоего, а ты постоянно занимаешь телефон". Моя же бабушка всегда напоминает соседке: "Ты ведешь телефонные разговоры о том, где дешевле купить картошку, а я постоянно жду звонок из Америки!"

Весь подъезд знает, что я живу в штатах. Соседке нечем "крыть". По любому, разговор с Америкой - важнее картошки, ага.

Долгое время по соседству с квартирой моих родителей, "за стенкой", жила "ничейная бабушка". Она вела совсем не "вызывающий" образ жизни и досаждала нам – ее соседям лишь тем, что любила кормить голубей. В летнюю пору, после обеда бабушка обыкновенно укладывала на подоконник окошка своей однокомнатной квартирki пышную подушку; ложилась на нее животом и сыпала на жестяное веко своего окна горсти хлебных крошек. Зимой же, бабушка сыпала крошки на свой подоконник через форточку. Несколько поколений "вскормленных ею" голубей, в ритуальное - обеденное - время зависали над окном старушки, как пчелиный рой над маткой. Известно, голуби, невзирая на "оливковую ветвь" - примитивные создания: наклевавшись хлеба, они присаживались на, соседний с подоконником-кормушкой, балкон моих родителей. Отдыхали там и гадили. Надо ли объяснять, почему моя мама не вывешивала на балконе белье после стирки, а сушила его во дворе? Это было в те времена, когда балконы еще не обшивали "тройным стеклопакетом", и мокрое белье, сушившееся на улицах, никто не воровал "по законам сложного времени".

А, вот, когда страна по уши влезла рыночную экономику, у "ничейной бабушки" вдруг объявились внуки. Они увезли свою бабушку далеко от родимых голубей, за кудыкины горы, а ее однокомнатную квартиру начали сдавать за деньги. В череду квартиросъемщиков, которым эта квартира сдавалась без боя на протяжении нескольких лет (пока у внуков "ничейной бабушки" не повзростели свои дети, унаследовавшие теперь эту квартиру) были очень незаурядные личности. Я расскажу про "Кенаря".

Кенарь работал докером в порту г.Петропавловск-Камчатский. Во время работы он часто напевал какие-нибудь песни (возможно, из тех, что нынче называются "русский шансон"). Его напевы услышал не равнодушный к прикладному творчеству коллега (как варианты: начальник смены; руководитель порто флота; капитан-наставник; ...директор порта, министр культуры Якутской АССР) и посоветовал не больше и не меньше, чем поступить в какой-нибудь "институт культуры" и выучиться "на певца эстрады". Ближайший к п-ову Камчатка институт, где обучали петь, был Институт Искусств города Владивостока. Экс-докер поступил в него на "отделение вокала" и стал нашим соседом по квартире, которого мой папа прозвал "Кенарь" (канарейка-самец).

В первый же год обучения вокалу Кенарь женился на студентке соседнего "отделения аккомпанемента". В соседней квартире начались репетиции вокала и аккомпанимента. Кенарь пел, жена ему аккомпанировала. Внешне Кенарь был похож на артиста Н.Черкасова в роли царя Ивана Грозного, а его супруга очень напоминала солистку ансамбля "Верасы" Ядвигу (не помню фамилию, помню лишь ее круглые очки и шлягер "Я у бабушки живу").

Мой папа – капитан дальнего плавания, возвращаясь домой из рейса, любил вздремнуть в послеобеденное время на диване; в это же самое время, за стеной - в квартире Кенаря, начиналась репетиция. Сначала супруга- аккомпаниатор Кенаря пробовала клавиши, а он "распевался": "Ми-ми-ми-ма-мо-му-мэ-э-э" или "Бык, тупогуб, тупогубенький бычок. У быка бела губа была тупа-а-а-а". А потом начинал репетировать песни, "заданные на дом". Думаю, не стоит объяснять, от чего мой папа терял сон и не мог традиционно отдохнуть в послеобеденный- "капитанский час".

Первое время, пытаясь обмануть судьбу, папа старался прилечь пораньше и успеть "чутка вздремнуть" до начала вокальной репетиции за стенкой. Но каждый раз, бравурные аккорды пианино будили его буквально через несколько секунд после того, как он закрывал глаза. Довольно скоро, репетиции за стенкой папе надоели и он перестал к ним относиться со смирением и добрососедской чуткостью. Особенно бесила папу итальянская народная песня "Санта Лючия", которую Кенарь пытался одолеть в течение тех двух лет, что занимал соседскую квартиру.

Море чуть дышит в со-онном покое,

Издали слышен шепот прибоя, - вкрадчиво начинал за стеной Кенарь, и папа вздрагивал, окончательно просыпаясь.

Ласковый ветер ве-ет с предгорий, - старательно выводил сосед.

Он навевает сны золотые, - учитывая ситуацию, эти строчки звучали для моего папы особенно издевательски.

Санта Лючия! Са-анта Лючи-ия! – голос Кенаря крепчал и его супруга молотила по клавишам уже не стесняясь никаких соседей.

Лодка, как лебедь, вдаль уплыва-ает,

Звезды на небе ярко сияют, - выводил рулады Кенарь, -

Дивную песню слышу в ночи я, - бывший докер замирал на миг, вбирая в легкие побольше воздуха, но вместо привычного докерского "Вира!" - орал:

Са-анта-а Лю-учи-ия, Санта-а-а Лючи-ия!!!!

Папа начинал материться и прижав губы к электрической розетке гремел через нее в соседскую квартиру единственную песню, которую знал от начала до конца: "Шел отряд по берегу, шел издалека. Шел под красным знаменем командир полка!"

От хриплого, "хронически простуженного" капитанского баса позванивала посуда в серванте и мама, вбегая в комнату из кухни, умоляюще складывала руки на груди: "Виталик, тише! Я прошу тебя, соседи же услышат!" Папа метал в маму испепеляющие взгляды и хрипел: "Так, а какого хрена он один тут репетирует? Я, может, тоже к смотру самодеятельности готовлюсь!"

Вечер над морем полон истомы,

Тихо мы вторим пе-есне знакомой.

О, мой Неаполь, дали родны-ые... – еще пытался верещать за стенкой Кенарь, но трубный рев моего папы в розетку, душил его рулады, как боа-констриктор – полевою мышь: "Э-эй, ухнем!" - гремел мой папа.

Са-анта-а Лю-у-чи-ия! - визжал сосед из последних сил.

"Красный командир!!!" - басил в розетку папа.

За стеной становилось тихо, как в зимнем лесу на картине Шишкина. Постояв у розетки 30 "контрольных секунд", папа снова ложился на диван и закрывал глаза.

Через некоторое время, встречая мою маму на лестнице подъезда, то Кенарь, то его супруга стали культурно интересоваться: "Ваш супруг все еще дома или уже ушел в рейс?" В зависимости от маминого ответа, репетиции за стеной соседской квартиры то возобновлялись, то опять срывались по вине моего папы, глушившего первые же аккорды пианино, ревом "Э-эй, ухнем!".

Через два года Кенарь бросил институт искусств и уехал обратно на Камчатку, продолжать строить карьеру докера. Преподаватели вокала не смогли раскрыть его талант. Соседская квартира пустовала недолго, но вселившиеся в нее новые жильцы уже практически ничем не отличались от "ничейной бабушки". Разве что голубей не кормили с подоконника. Никогда.

Во Владивостоке у меня была подружка Оля. Ее мама преподавала в школе ботанику. Поэтому, во дворе Олю прозвали "Ботаника" еще задолго до того, как сама Оля пошла в школу и начала изучать эту науку о пестиках и тычинках.

Оля-Ботаника и внешне была похожа на цветочек: стебелек в сарафанчике; длинные, тонкие листики – руки, с вечно растопыренными пальцами и голова-тычинка с увядшими лепестками волос на плечах.

Однажды в кособокую лоханку песочницы посреди двора шлепнули горку морского песка, цвета засохшей горчицы. Мы бросились к ней со своими совками и ведерками - разгребать это дворовое богатство, строить каналы и мосты, башни и ограды вокруг них. Суетливые дети, с деловитостью термитов, натаскали к этим замкам из песка блестящие сокровища: фантики, фольгу от шоколадок, пуговицы с разноцветными камушками, осколки бутылочных стекол. Кто-то принес из дома елочные бусы, и мы развесили их вокруг самой высокой башни из песка. Получился сказочный дворец.

Оля-Ботаника тоже принесла из дома украшения для песочных башен: золотые серьги, кольца и цепочки, которые она вытащила из маминой шкатулки, пока та преподавала свою ботанику в двухэтажной школе, что напротив дома.

Мы возились в этой песочнице до самого вечера и так, и эдак пристраивая драгоценности, пуговицы и фантики вокруг своих построек. Потом мамы стали "загонять нас домой" и кричать из разных форточек родной пятиэтажки: "Та-аня, Ви-и-итя, Ле-е-ена, Ди-има... Домо-ой!" Позвали домой и Ботанику.

Оля, памятуя о том, что драгоценности стащила из маминой шкатулки без всякого на то разрешения, начала рыться в песке, стараясь выковырять от туда "украшения 583-ей пробы", старательно утрамбованные в стены крепкими ладошками. Я тоже помогала Оле, понимая, что ее отчаянные нашептывания: "Меня дома убьют!" - не далеки от истины.

С неба и сопок на наш двор поползли сумерки и туман. А мы с Ботаникой нашли в песочных руинах всего лишь три кольца. Моя мама уже не напевно, а сердито закричала в форточку: "Та-а-ня! Да сколько ж можно!" И я поняла: вот, после этих слов надо идти домой немедленно! Ботанику тоже предупредили из окна о том, что ее промедление ужасно. Однако Оля знала, что возвращение без драгоценностей – еще страшнее. Поэтому она продолжала, уже одна, отчаянно рыться в сыпучих внутренностях песочницы, стараясь пальцами, на ощупь отыскать утерянное золото. Напрасно.

Увидев свою маму, вышедшую из подъезда с "угрожающим" полотенцем на плече, Оля забралась в кусты и сидела там, пока мама искала ее по всему двору. Потом мама ушла обзванивать в поисках дочери соседские квартиры, а Оля, достав из кармашка три кольца, что мы нашли в песке, задумалась. "Как же я могла все растерять? Ведь еще не

совсем темно и можно разглядеть и кольца и цепочки?" - непонимала она. "Вот, если я сейчас, к примеру, брошу рядышком с собой это колечко, то непременно смогу разглядеть его в песке!" Она внимательно, еще раз, посмотрела на тяжелый перстень и, легко подкинув его в воздух, услышала, как он упал в траву, неподалеку. Оля шарила растопыренными пальцами в траве и исколола о дворовую гальку колени, но перстень не нашла.

"Странно, - подумала Оля, - может кольцо обиделось, что я его выбросила в траву? Надо как-то сказать ему, что я его выбросила не нарочно!" Она достала из кармашка второе кольцо, объяснила ему ситуацию и попросила позвать выброшенный перстень обратно. После этого – бросила кольцо- "посланник" в ту сторону, где пропал перстень. На этот раз она уже точно запомнила место, куда упало второе кольцо. Вновь принялась шарить в гальке и траве, но не нашла и его.

Олина мама преподавала ботанику в с/ш. Много лет жила без мужа, ушедшего от нее к другой женщине и к другому ребенку. В однокомнатной квартирке Ботаники все свободные поверхности занимали мамины цветы, которые та выращивала в больших консервных банках, и стопки учебников по ботанике и биологии разных лет издания. Золота у Олиной мамы было очень мало. Второе золотое колечко появилось у нее только через 14 лет после того, как Оля растеряла ее драгоценности – когда Олина мама во второй раз вышла замуж. К тому времени Ботаника уже сама имела дочку, занималась айкидо и "училась на телеграфиста"...

Джанет – молодая, не зависящая ни от каких мужей американка. Работает агентом по недвижимости: показывает клиентам своей фирмы чьи-то брошенные дома и увлеченно рассказывает о том, как счастливо в них жили прежние хозяева до той поры, когда решили переехать. От размеров недвижимости зависит напрямую и величина комиссионных Джанет.

Джанет хорошая рассказчица, умеющая убедить клиента в том, что "о подобной ванной комнате всю жизнь мечтал поэт Эдгар По", а "эта кухня – точная копия той, что спроектировала сразу же после своего развода, Иванка Трамп". Джанет работает "с душой и отдачей", поэтому девушке завидуют менее удачливые коллеги. Элегантные костюмы Джанет прекрасно смотрятся на фоне особняков, "в колониальном стиле", цены которых превышают 300 тысяч\$. А высокие каблуки агента по недвижимости подчеркивают изящество и аристократизм французских дверей, вертикальных жалюзи и "белоствольных" ванн джакузи, на пьедесталы которых Джанет восходит как на театральные подмостки – уверенная в своем амплу и безупречном тексте.

Джанет не замужем. Она строит карьеру. Ее мечта – продать большой, красивый дом и получить выгодные комиссионные вместе с предложением руки и сердца от молодого, энергичного покупателя, который этот дом приобретет.

Дом она уже присмотрела. Не желая продавать его, кому попало - Джанет всегда показывала этот дом своим клиентам самым последним в демонстрационном списке. И вот ее мечта сбылась наполовину: к услугам фирмы обратился молодой, неженатый терапевт, желающий приобрести недвижимость в пределах стоимости 300-400 тысяч долларов. Внешне терапевт напоминал героя "Перл Харбор" Бена Афлека. Поверх рубашек он носил свитера из тонкой шерсти, вместо тривиальных джинсов – светлые брюки "со стрелочками", а на мизинце – скромный перстень с черным камнем прямоугольной огранки "багет".

Джанет не сразу показала Терапевту свой "заветный" дом, она хотела убедиться в том, что Терапевт его достоин. Все утро они ездили по городу, осматривая одно-двух и трехэтажную недвижимость, попутно обсуждая осень в Массачусетсе, бейсбол, кинематограф, предстоящий День Благодарения и прочие аспекты американской жизни. Потом, вместе пообедали. Терапевт, "как врач и джентльмен" – оплатил ланч за двоих и оставил официантке хорошие чаевые.

Джанет решила. Она водила Терапевта по прекрасным комнатам облюбованного ею дома и говорила о них так душевно, словно именно здесь скончался кто-то из ее родственников.

Наконец, Джанет и Терапевт вышли из дома на веранду, и мужчина, глядя влюбленными глазами на агента по недвижимости, объявил ей о своем решении купить "заветный" дом. Джанет и Терапевт смотрели друг на друга более значительно, чем продавец на клиента и наоборот. В этот чарующий момент голуби, романтично облепившие карниз над верандой - хором, "в несколько залпов"... обгадили Джанет с головы до ног...

Элегантная Джанет, в "обляпанном известкой" брючном костюме цвета терракоты, еще полчаса пребывала в коматозном состоянии - пока везла Терапевта к паркингу своей фирмы, где он оставил собственный автомобиль. Зеленый росток любви был втоптан в грязь когтистой лапой жирного американского голубя. Джанет, рыдая, говорила мне по телефону о том, что всю жизнь ненавидела голубей, смутно подозревая их в грядущей гадости, которую исподтишка готовила ей эта птица.

Я, с лицом цвета украинского борща, залепив ладонью рвущееся вон, бестактное ржанье, в ответ молчала до тех пор, пока "борщ" не остыл.

Мой папа говорил: "Будешь бояться оказаться в смешном положении – окажешься в глупом!" Упав со стула, начинай смеяться первой даже если сломала кобчик, поскольку ситуация комична, и даже самые близкие люди будут сдерживаться, чтобы не прыснуть.

Естественно, со стороны легко смотреть на происшедшее, оценивая его "взглядом постороннего". Что до меня самой – я в такую ситуацию никогда не попадала: голуби на меня не гадили, и верблюды не плевался. Но это – пока. Никто не застрахован от того, чтобы его не обосрали голуби. Я банально предложила Джанет порадоваться тому, что коровы не летают, и посоветовала при новой встрече с Терапевтом самой напомнить ему об этих голубях и о том, как она, вспоминая о них, не рыдала в телефон, а хохотала до истерики весь вечер. А что еще я могла ей сказать?! Вас когда-нибудь обсирали голуби?

А бывают истории и щще - улет. Лет пять назад читала в People про невесту, которая во время своей свадебной церемонии на весь зал пукнула у алтаря, а через несколько секунд - скончалась на месте от разрыва сердца. И фотография при этом была напечатана. До сих пор помню радостную, толстощекую мордашку невесты в буклях кудрей и фаты. И вот, ведь как – померла от инфаркта. Вот где буквально: "не вынесла душа... позора". А тут – всего лишь голуби обосрали. Джанет, кстати, подумав, тоже согласилась, что в церкви пукнуть - страшнее.

У каждого мгновенья - свой позор...

Рассказав о том, как мою подругу обгадили голуби, я смирилась с мыслью о том, что иногда мы – птицы, но чаще – статуи. И стала вспоминать, какие происшествя в моей собственной жизни связаны в памяти с чувством зажигающего уши, душного стыда и "общественного позора"?

Как-то, я и моя подруга Вика - пообедали в одном из Владивостокских рестораничков. Одно время он был очень популярен, хотя и не относился к числу тех заведений,

швейцары которых требуют, чтобы вы помыли руки, прежде чем братья за ручку двери. Этот ресторан был примечателен для нас тем, что в обеденное время в его небольшом, разбитом на кабинки, зале - собирались молодые бизнесмены из соседнего "Делового Центра". Среди них было множество наших знакомых, поэтому обеды в этом ресторанчике зачастую превращали его в своеобразный "клуб". Его завсегдатаи кочевали со своими стаканами пива - от кабинки к кабинке; часто к нашему столику подсаживались знакомые - переброситься "дайджестами" городских сплетен и "начертить пару формул".

В те времена в этом ресторане всегда была такая толпа и очередь, что через несколько лет, по этой причине, туда просто перестали ходить, и ресторан разорился. Обеды в нем, как правило, занимали час-два, из них – собственно, на еду уходило минут 20, поэтому посетители старались занять столик - "поближе к официанту".

- Официант! Вы знаете, сколько сейчас времени?

- Извините, это не мой столик.

В тот день я надела юбку-резинку, цвета свекольной дольки, которая так плотно обтягивала мои бедра, слово их покрыли не тканью, а краской - из пульверизатора. Ресторанная кабинка, в которой находились круглый, намертво привинченный к полу, столик и полумесяц дивана – была узкой, как ячейка лифта. Люди, имевшие обыкновение жестикулировать во время разговора - чувствовали себя обделенно, на них шикали.

Когда к нашему столику подсели знакомые парни, мы с Викой сдвинулись на середину дивана, освобождая для них места - по краям. В какой-то момент я почувствовала, что моя узкая юбка уже не сдавливает талию, но - не обратила на это внимание и продолжала пить, кушать и общаться.

Официант убрал пустые тарелки и побрел за десертом, а я встала, собираясь в туалет и, повернувшись спиной к Вике, хотела, было, начать пробираться между столиком и коленями сидевшего с краю парня – к выходу из кабинки. Но в этот момент Вика вскочила вместе со мной и, положив руку мне на плечо – вдавила меня обратно, "в диван". Я ничего не поняла, но Вика, "полыхнув румянцем", с несвойственной для моей подружки эмоциональной жестикуляцией - начала бурно рассказывать какую-то историю, мельком бросив в мою сторону: "Подожди, я сейчас договорю, и мы выйдем вместе". Она закончила рассказ каким-то, очень спорным, выводом, и мы болтали еще несколько минут, пока официант не принес наш десерт, а парни - допили свое пиво. Все это время я продолжала ерзать на диване, постреливая в Вика взглядами, сигнализируя о том, что нам "пора на выход". Она же, не обращала на это никакого внимания, но, в то же время - цепко держала мое колено, сжимая его всякий раз, когда я пыталась встать. Наконец, парни ушли, и Вика - резко повернувшись ко мне, давась от смеха - простонала: "Таня, у тебя замок на юбке разошелся!"

Туго сжимавшая ягодицы, "юбка-резинка" застегивалась сзади замком-молнией. Теперь же она, как театральные кулисы - расплзалась на моей попе, все шире открывая карикатурный "тыл", под прозрачной – капроновой - оболочкой которого, мутно светились белые, терявшиеся между ягодиц трусы.

Похрюкивая от спазмов смеха, извиваясь на диване за неудобным столом кабинки, вход в которую был открыт на обозрение всей ресторанной публики - мы вместе с Викторией перекутили на мне юбку "с зада - наперед". Вика вынула из своего уха сережку "гвоздик" и мы воткнули его в полы юбки - хотя бы, таким образом, соединив расплзающееся в разные стороны полотно.

Мы вышли из кабинки и засеменяли через зал – в гардероб. Делать широкие шаги не позволяла юбка, поскольку "гвоздик" - соединяющий ее в "предмет одежды" - мог

вылететь в любой момент. Высокая Вика, заслоняя меня, шла впереди, а я – на четверть шага за ее спиной, прикрываясь сумкой, как в бане - тазиком. В гардеробе раздевалось несколько наших знакомых, но я - лишь мимоходом кивнув им - немедленно отвернулась и вжалась животом в стойку. Кто-то из приятелей хотел помочь мне надеть плащ, но Вика отпугнула его, гаркнув быстрее меня: "Не надо! Она оденется сама!" Лишь застегнув плащ, я расслабилась и, давясь от смеха, хотела, было, объяснить знакомой публике свою проблему, но Вика, толкнув меня бедром, категорично прервала на вдохе: "Это - лишнее". И мы удалились, без комментариев.

А в другой раз с меня почти сползла длинная – до щиколоток – юбка, в тот момент, когда я шла по городу и разговаривала по сотовому телефону. Все мое внимание было переключено на этот разговор, поэтому я поймала свою юбку не сразу, а только в тот момент, когда она зависла на бедрах и я - запутавшись в сползших полах - чуть не грохнулась на асфальт. Но это был не очень позорный случай, потому что поверх юбки на мне в тот момент была - не короткая водолазка, а - длинная рубаша.

Если хочешь "сохранить лицо" - закрой его нижнюю часть.

Пришел к нам Марк – муж моей сестрицы Шерол. Вошел в дом и, прям с порога, сразил меня навзничь своею необыкновенной красотой.

Вообще-то, про Марка нельзя сказать, что он – "Прекрасный Принц", даже, несмотря на тот факт, что "принцессой" была его родная мама - одна из дочерей вождя индейского племени Пекот. Однако Марк напоминает внешне отнюдь не "Зоркого Глаза" - Гойко Митича, а – американского комика Робина Вильямса ("Москва на Гудзоне", "Джуманджи"), только – с усами.

В общем, вошел он – напоминающий усатого Робина Вильямса мужчина - и в первое мгновенье я подумала, что "Хэллоуин маст гоу он". Под аккуратной щеточкой усов, на лице Марка алели сочно пучились кроваво-спелые, как соус "Кетчуп", кумачово томатные губы. И верхняя – даже касалась носа, прямо, как у негритянской реперной певицы Ив, которая когда-то написала шедеврально потрясающие, поэтические строчки: "Сей май нейм, сей май нейм. Ив - май нейм".

Марк деловито снял куртку, но под нею не открылись ни карнавального жабо, а-ля "Людовик 153-ий", ни пачка балерины. Под курткой была простая джинсовая рубаша, но, со своими сочными губами, Марк – даже в ней - был похож уже не на Робина Вильямса, а, скорее, на Фреди Меркьюри из клипа I Want To Break Free, не хватало только бантика. В общем, у него было такое лицо, которое вспоминать не захочешь, но и забыть не сможешь! Не в силах отвести взгляд от орхидейных губ Марка, я никак не могла понять, что с ними произошло? То ли их поразила какой-то прогрессирующий герпес, то ли Марк целовался с клоуном?

У меня в тот момент было такое состояние, как будто мы "играли в дом", а я была дверью. Единственный вопрос, который я смогла задать, "когда рассеялись пары марихуаны": - Марк, на твоём лице лежат странные губы. Чьи они?

Марк глянул в зеркало. Увиденное там – настолько его поразило, что он инерционно дернулся вперед, почти столкнувшись лбом со своим отражением. Потрогал губы. Сначала недоверчиво, потом – с остервенением стал тереть их ладонью – пальцы окрасились, словно свекольным соком, а красный рот съехал до уха. Марк обрушился на стул, вздохнул и, цыкнув зубом, резюмировал:

- Шерол. Она сказала мне, что это – "медицинская" помада, - он хлопнул себя по ноге и хмыкнул: - Представь, я только что покупал пиво в магазине.

Я представила, и у меня запотели глаза. Марк привстал, чтобы еще раз глянуть на себя в зеркало и, повернувшись ко мне, вдруг радостно сообщил: - Зато теперь я уверен, что в нашем городишке, вообще, нет педиков – ко мне не пристал ни один мужик!

- Почему ты в этом так уверен? – недоверчиво спросила я и предположила: - Может быть, в магазине просто было мало народу?

Марк махнул рукой: - Ерунда! Поверь. Кроме магазина, я был еще на почте, в банке и "Блокбастере"!

- Ага, я тебе верю - согласилась я. – Но вот, все те люди, которые увидели тебя сегодня вечером – будут теперь твердо уверены в обратном.

Сегодня ездила в Нью-Хемпшир. Когда не очень тороплюсь, выбираю не хайвей, а окольные дороги. Вот и сегодня поехала по 12-ой "периферийной".

Дорога в обеденное время практически пустая, только пряничные домики мелькают в окнах, да раз в полчаса какая-нибудь "Тойота" мимо пролетит. Впереди – поворот, крутой, как кочерга. А, думаю - не буду тормозить, буду "вписываться". Перед самым поворотом резко бью по тормозам и аккуратно, кругленько так, "заруливаю". А навстречу вылетают два груженных "Мака". Какого черта они гнали по периферии – ума не приложу... Хорошо хоть тормоз приложила.

Не нравится, как я ежусь? Уйдите, к черту, с тротуара!

Возвращаюсь домой, в Массачусетс по той же "рут 12". Впереди черепашит старинный "Шеви" с Нью-гемпширским номером, на пластине которого выбит традиционный для всех Нью-гемпширских автомобильных номеров девиз: "Live free or die" (Умри, или живи свободным). Владелец "Шеви" не только жил свободно, но еще и занимал дорогу. Пока не обогнала, думала – собственными руками придушу. Обгоняю "Шеви", матерюсь и убиваю взглядом этого авто-мото-любителя, а из "Шеви" ко мне приветливо оборачивается "синяя голова" - старушка, современница Агаты Кристи. Улыбается и плечами пожимает: мол, "Извини, девочка. Не могу быстрее ехать – не мой стиль". Стыдно стало за свои проклятия, до ужаса.

- Сашенька, будешь арбузик?

- Не хочу.

- Коди, хочешь шоколадку?

- Не-е-е.

- Гюльчатая, как насчет мороженого с брусничным соусом?

- Бя!

Эти современные детки вообще уже ничего не хотят! Вернее, они не хотят ничего из того, о чем мы мечтали в детстве!

Помню очередь в гастрономе, в который – в кои-то веки - завезли мятобокую алюминиевую бадью с мороженым. Продавщица - злая тетка в замызганном переднике, с прядью пережженной химии цвета "грязного асфальта", выбившейся из-под нахлобученного на макушку колпака – скребет по дну бадьи и шлепает комки сладкой мороженой массы в потрескавшийся вафельный стаканчик. Ставит стаканчик на липкую, в молочных потеках, плошку весов; косится на стрелочку и безжалостно выковыривает из стаканчика излишек. Вот твои "положенные" сто граммов "детского счастья". Кричит: "Марожиное кончаэца! Больше не занимайте очередь!"

А ты стоишь, сжимая в потном кулачке 20 копеек (или, сколько там – уже не помню – стоили эти несчастные сто граммов "сливочного"?) и, покусывая ногти, переzyрливаешься с подружкой: а нам хватит?

Современный ребенок не хочет "Кити-Кет". Моя американская свекровь говорит, что в детстве, могла убить за плитку "Кити-Кета". Ну, а я вообще, не знала, что это такое?

... Помню, ехала в поезде, напротив – мама с дочкой. Мама достает из тугой черной, сумки пакеты с едой. Спрашивает дочку, немного картавя:

- Викочка, ты кугочку хочешь?

- Не хочу.

- А булочку хочешь?

- Не хочу?

- А пигоженое хочешь?

- Не хочу.

Мама теряет терпение и, вопрошает, с гневом:

- А, что ты хочешь?! Сгать хочешь?!

Что ты хочешь, Славик, Оленька, Эрик, Бобби, Йаан, Тачибана, Хоакин Мурьетта? Какого рожна тебе хотелось бы покушать, кроме сраного гамбургера из "Макдональдс"?!!!

- У тебя было счастливое детство?

- Не помню, я в то время был ребенком...

На их свадьбе все целовали жениха.

Моя знакомая - Светка N была замужем за одним очень серьезным бизнесменом. Он занимался рыбой и дружил с Евгением Ивановичем Ноз-ко, который в те времена еще не был "всероссийским рыбным министром", а являлся губернатором Приморья. Разница в возрасте между Светланой и ее мужем была велика, как одноименный Каньон: лет сто. Ну, пусть не сто, а двадцать, хотя - учитывая то, что супруге на момент женитьбы было 22, а ее молодому мужу 40 с лишним – возрастное различие между ними все-таки "кричало в голос". Хотя, надо признать, что они оба хорошо поддерживали баланс семейных отношений: он зарабатывал деньги, а она их тратила – по мере поступления.

Светкин супруг дружил и с губернатором Евгень Ивановичем, и с главным режиссером городского драм театра (академического! – совсем не важная деталь, но, согласитесь - придает названию театра больше веса) Ефим Семенычем Звеняцким. В то время, служащие краевой администрации были просто помешаны на драматическом искусстве. Считалось правилом хорошего тона иметь любовницу из молодых актрис театра. Собственно, в том театре Светка и работала актрисой в массовых ролях и эпизодах - в которых ее углядел член краевой администрации, солидный рыбный бизнесмен. Он бросил свою первую супругу, а Света - театр, после чего они и поженились. Выйдя замуж, Светка решила посвятить свободное от безделья время распространению косметики "Мери Кей". Тогда в нашем городе многие молодые жены серьезных бизнесменов занимались этим именно делом, и собирались в офисе фирмы-дистрибьютора, что находился на Торговой улице.

Поскольку, менеджеров и распространительниц данной косметики было неизмеримо больше, чем желающих ее купить – девчонки не сидели в офисе, а шарились целыми днями по Торговой улице, от скуки, покупая там разнообразную фигню.

Как-то, ближе к концу рабочего дня, я заехала в Светкин офис "покурить-поболтать", понюхать новые духи от "Мери Кей" и Светка, прыская ноздрями, показала мне свою покупку, приобретенную в какой сувенирной лавке на Торговой. Поистине, это был шедевр "муляжного творчества": тонкая на ощупь, маленькая пластмассовая лужица "натуральной блевотины", соответственного – желчно-зеленого цвета, с вкраплениями каких-то бурых фрикаделек и рюшечками трогательной пенки по краям. В общем, я видела и более мерзкие вещи. Так что блевотинка, сиротливо лежащая на пластмассовой поверхности стола, хоть и выглядела совершенно натурально – вызвала во мне не брезгливость, а, живую заинтересованность: для каких целей Света приобрела это произведение китайского искусства? Света неуверенно пожала плечами, очень по-женски ответив на этот вопрос: "Просто понравилась".

В это время к офису подъехал Светкин муж на своем новом автомобиле, страшно модной в среде Владивостокских бизнесменов - марки "Aristo". Пока муж разговаривал с владельцем Светиной фирмы, его молодая супруга выскочила на улицу и аккуратно положила свой незаурядный сувенир на капот его роскошного, черного автомобиля.

Увидев эту дрянь, муж не то, чтобы рассвирепел, но очень огорчился. Мужчины всегда огорчаются, когда кто-либо позволяет себе презрительные жесты в сторону их автомобиля. А в данном случае машину просто облевали, без всякого уважения к Светкиному мужу и японской авто технике...

Пока муж матерился, рассматривая блевотину: "винегрет эти бляди жрали, что ли?", и тряпкой собирал ее с капота - мы с девчонками (посвященные в историю Светкиной покупки) стояли на крылечке и хихикали. А Света, с нарочитой укоризной, смотрела на нас и говорила: "Какие же вы, девочки, все-таки суки! Нам машину облевали, а вам смешно!" И заботливо нервничала в сторону мужа: "Лёша, умоляю, аккуратнее. Смотри, не замарайся!". Лёша сгрёб блевотину в тряпку, сбросил ее в урну и тихо порадовался, что эта дрянь не испачкала капот. В роде бы, можно было уже и уезжать? Но жадная Света, сожалея о выкинутой "блевотине", попросила нас "заболтать" своего мужа, пока она лазила в эту урну и доставала свой оригинальный сувенир.

В дальнейшем, она рассказывала нам о том, что на каком-то "губернаторском" банкете положила эту "весч" в тарелку мэра. Но тогдашний мэр был "нашим человеком", поэтому не ужаснулся, а удивленно хмыкнул: "Свои люди, и вдруг такая хуйня..." Потом – обвел взглядом зал и засомневался в натуральном происхождении "продукта": "Да, ведь, в роде бы еще никто не напился?". После чего – взял блевотину двумя пальцами и, приподняв ее над своим стейком, победно резюмировал: "Так и знал, что подделка!"

Не знаю, кого он заподозрил в этом приколе – в те времена в городе стреляли, чуть ли не каждый день.

Нисколько не сомневаюсь в том, что тогдашний мэр – Костик Толстошеин вполне мог именно так и отреагировать. Тем не менее, я лично - не была свидетелем этого "происшествия на банкете". А Светка... ну, она такая девушка, которая врет только в трех случаях: когда говорит о своем весе, артистической карьере и – с другими людьми.

Едем с R. по хайвэю, навстречу проносится какая-то колымага увлекательно-зеленого цвета. R. говорит: "Смотри, какая телега! Это, наверно, русская машина".

Таким вот образом - иной раз задевая мое национальное достоинство - R меня "дразнит". Ну, это ему так кажется, что он меня "дразнит". Мне же так абсолютно не кажется, поскольку, после его замечаний про Россию, меня начинает "ерзать" справедливое желание немедленно сделать несколько замечаний про Америку. Ведь он

прекрасно знает, что на Бостонщине просто не реально увидеть автомобиль российского производства. А, тем не менее...

Р был в России всего дважды, и оба раза – во Владивостоке. Я его спрашиваю: "Интересно, а где же это во Владивостоке ты мог увидеть русские машины?" Он ничего не отвечает – хихикает. Я сохраняю достойное спокойствие и, глядя в окно, на проезжающие мимо, природные ресурсы Массачусетса, тихо спрашиваю Р: "А ты видел русский танк Т-34?"

Услышав про танк, Р раздраженно замечает: "Что вы – русские везде этот свой танк суете? Как начнешь что-то российское критиковать, так вы обязательно или про танк вспоминаете, или про космос, или про балет. Надоело уже! Что еще хорошего у вас сделано в России, кроме танка, ракеты и балета?"

Я помолчала, а потом спросила: "Я тебе нравлюсь?"

Р попробовал съехать: "Причем здесь это?" Но я была настойчива и вынудила его поклясться, что я ему очень нравлюсь и, что он никогда в жизни ничего лучше меня не видел и не знал. Я, с чувством удовлетворенного тщеславия, посмотрела на профиль Р и сказала: **"Я - сделана в России"**.

- [Комментарии: 5, последний от 01/07/2003.](#)
- © Copyright [Марчант Татьяна](#). (marchant1@yandex.ru)
- Размещен: 18/11/2002, изменен: 18/11/2002